Бригадина, О. В. Культурная революция в Советской России: цели, методы, результаты / О. В. Бригадина // Працы гістарычнага факультэта БДУ: Навук. зб. Вып. 4 / Рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] — Мн: БГУ, 2009. — С. 87–95

О. В. БРИГАДИНА

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ЦЕЛИ, МЕТОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

У немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии Г. Гессе есть любопытное наблюдение: «У каждой эпохи, у каждой культуры… есть свой уклад… Настоящим страданием, адом человеческая жизнь становится только там, где пересекаются две эпохи, две культуры и две религии… Есть эпохи, когда целое поколение оказывается между двумя укладами жизни в такой степени, что утрачивает всякую естественность, всякую преемственность в обычаях…» [1, с. 106].

1917 г. — один из самых трудных и противоречивых в российской истории. Многих не покидало ощущение начала распада государства, наций, культуры. В газетах все чаще писали о том, что «никогда Россия не стояла так близко на краю гибели» [2, с. 6]. Сложившаяся политическая обстановка, анархия в стране, безнадежная военная ситуация, продовольственный кризис в городах усиливали состояние страха перед будущим. «Люди озверели, — констатировал в те годы П. Сорокин, — тормоза, удерживавшие от убийств, насилий и т. д., ослабли или отпали: взяточничество, обман, мошенничество, вымогательство, шантаж и т. д. дошли до геркулесовых столбов… Картина развертывается крайне тяжелая, чтобы не сказать ужасная …» [3, с. 49].

Если рассматривать политику как искусство возможного, а оценку политическому деятелю давать по результатам его деятельности в достижении поставленных целей, то именно в этих условиях В. И. Ленин показал себя величайшим тактиком. Под его руководством партии большевиков удалось не только завоевать власть в октябре 1917 г., но и удержать ее в борьбе с внутренними и внешними врагами.

Уже первые декреты советской власти, написанные Лениным или разработанные при его участии, свидетельствовали о самых серьезных намерениях, «разрушив все до основанья», построить новую Россию. В Декрете о мире, Декларации прав народов России, Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа были провозглашены основные принципы новой политики. Всем нациям и народностям бывшей Российской империи гарантировались возможности для развития национальной культуры и образования. Упразднялись все прежние организации и учреждения, все гражданские чины, звания и титулы. Для населения устанавливалось единое звание — гражданин Республики Советов.

Немало усилий было направлено на охрану культурных и исторических ценностей. Законодательными актами «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины», «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным состоянием» и др. было предотвращено расхищение национального достояния народа.

В. И. Ленин в сложных условиях создания новой модели российского общества отводил культуре и идеологии в целом значительную роль, считая культурные преобразования в стране составной частью плана социалистического строительства. Принципиальное понимание задач и особенностей руководства культурным процессом он сформулировал в ноябре 1920 г.: «1) пролетарская культура = коммунизм; 2) проводит РКП; 3) класс — пролетариат = РКП = Советская власть», т. е. формирование пролетарской культуры неотделимо от коммунизма; руководит этим процессом РКП; интересы пролетариата как класса выражают партия и Советская власть [4, с. 8]. Ленин впервые ввел и само понятие «культурная революция», раскрыл ее содержание, разработал основные принципы и задачи культурного строительства в стране. В статье «О кооперации» он отмечал, что в России политический и социальный переворот оказался предшественником культурной революции. Известны также слова об умении использовать в соцстроительстве знания, накопленные человечеством, высказанные им в 1920 г. на третьем съезде комсомола. Была поставлена задача создания новой системы народного просвещения и образования, формирования советской интеллигенции и подготовки кадров, преодоления буржуазной идеологии и религиозности населения, утверждения социалистической идеологии и морали.

Была сформирована централизованная система управления сферой культуры. Первым шагом стало создание Государственной комиссии по просвещению, основные функции которой были определены «Положением об организации народного образования в Российской Советской Социалистической

Республике». С 1918 г. все вопросы образования, науки, искусства были переданы в ведение Наркомата просвещения. Управление Наркомпросом возлагалось на коллегию во главе с народным комиссаром А. В. Луначарским. Наркомпрос состоял из отделов всеобщей грамотности, внешкольного образования, школьного строительства, искусств и т. д. На местах культурную работу проводили отделы народного образования при Советах. Часть функций была передана Наркомату по делам национальностей. Постоянно шел поиск наиболее оптимального варианта управленческих структур. В 1921 г. была проведена реорганизация Наркомпроса: вместо отделов были созданы центры — Организационный, Академический, Главсоцвос (социалистического воспитания) и т. д. Неизменным оставалось одно — постоянный партийный контроль и влияние. В Циркулярном письме ЦК РКП(б) местным парторганизациям «О связи партийных организаций с органами народного образования» (ноябрь 1921 г.) рекомендовалось выдвигать на руководящие должности коммунистов и политически грамотных беспартийных, доказавших свою верность революционной идее [5, с. 20—21].

Первостепенной задачей являлась ликвидация массовой неграмотности. В декабре 1919 г. был принят декрет СНК об обязательном обучении всего населения в возрасте от 8 до 50 лет на родном или русском языках. Наркомпросу и его местным органам было предоставлено право привлекать к обучению неграмотных «в порядке трудовой повинности» все грамотное население страны, не призванное в войска, с оплатой их труда по нормативам работников просвещения. В п. 5 декрета предусматривалось рабочий день для обучающихся сократить на два часа, а местным властям «удовлетворять запросы учреждений, имеющих целью ликвидацию неграмотности, преимущественно перед другими учреждениями» (п. 7) [6, с. 50—51]. Широко применялись такие формы борьбы с неграмотностью, как общественные суды, слеты культармейцев, культармии, вечера «красных грамотеев». Окончившим курс обучения выдавались «Паспорта грамотных». Однако победить неграмотность в сжатые сроки не удалось. Несмотря на массовый энтузиазм и огромное количество школ для взрослых и пунктов ликбеза (на 1 января 1921 г. в стране действовало более 20 тыс. таких учреждений), по

итогам переписи 1920 г. 54 млн граждан страны Советов не научились еще читать и писать. Только к концу 1930-х гг. грамотность населения в возрасте 9—49 лет достигла 87,4 %, в т. ч. мужчин — 93,5 %, женщин — 81,6 %. Причем в городах количество грамотных достигало 93,8 %, в сельской местности — 84,6 % [7, с. 9].

Ударными темпами шла работа по перестройке системы образования. Советская власть стремилась создать школу с прогрессивными учебными планами и политехническим характером обучения. В 1918 г. были разработаны основополагающие документы: «Положение о единой трудовой школе» и «Основные принципы единой трудовой школы». Ликвидировались старые «грехи» дореволюционного образования: физическое наказание, балльная система оценки знаний, экзамены. Поощрялись школьное самоуправление и политическая активность. Главное — коммунистическое воспитание, «это, — утверждал нарком Луначарский, — величайшая сила… Это будет соответствовать в огромной мере выработке того нового человека, который является решающим фактором в нашей борьбе с буржуазией» [8, с. 11].

По данным Наркомпроса, в стране в начале 1920-х гг. действовало 114,3 тыс. начальных и почти 4,2 тыс. средних общеобразовательных школ. Количество учащихся достигло 10 млн человек (в 1914/15 учебном году — 7,7 млн человек) [9, с. 247—249].

Особое внимание уделялось реформе высшей школы. В марте 1921 г. коллегия Наркомпроса разработала «Положение об управлении высшими учебными заведениями республики (проект Устава)», которое было утверждено в сентябре 1921 г. Этим решением была ликвидирована автономия высшей школы страны. Реформа вузов предполагала также изменение самого содержания обучения. Основные споры разгорелись вокруг вопроса о том, какими знаниями должен обладать будущий молодой специалист. По мнению старой профессуры, это должен был быть гармонично развитый человек с широким всесторонним образованием. Лидеры Наркомпроса настаивали на подготовке специалиста по необходимой стране в данный момент специальности с обязательным знанием основ марксистской теории. Из учебных планов вузов были изъяты многие гуманитарные дисциплины, старая профессура отстранялась от чтения мировоззренческих учебных курсов.

Для нейтрализации антисоветских настроений в вузовской среде необходимо было форсированными темпами начать работу по подготовке кадров идеологических работников. В 1919 г. был открыт Коммунистический университет имени Свердлова, в 1921 г. в Петрограде и

Москве созданы институты красной профессуры. Начали работу Коммунистический университет трудящихся Востока и Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. В годы «военного коммунизма» развернул свою работу Пролеткульт — массовая организация, целью которой было скорейшее создание новой коммунистической культуры. Пролеткульт делал ставку на открыто классовое содержание культуры, отвергал старое культурное наследие, поощрял свободный творческий поиск образов и идеалов [10, с. 17—18]. На этой основе формировался революционный авангард в литературе и искусстве.

Классовые цели преследовала и развернувшаяся по стране кампания «монументальной пропаганды». В декрете СНК «О памятниках республики» (апрель 1918 г.) предусматривалась «замена памятников царю и его слугам новыми, долженствующими ознаменовать великие дни Российской социалистической республики». Население страны должно было знать своих новых героев.

Романтизм первых послеоктябрьских лет создавал в массовом сознании новую шкалу общественного почитания и уважения. Рождались новые советские ритуалы и традиции, массовый характер получил процесс переименования городов, улиц, заводов и фабрик, появились новые имена, неизвестные в прежней обыденной жизни. В стране развернулось движение массового художественного творчества. Одна из главных примет народной самодеятельности — коллективность и бескомпромиссность. В инсценировках, «живых газетах», агитсудах, литмонтажах изобличались пороки капитализма и мещанства, звучали страстные призывы к борьбе.

Массовая поддержка генеральной линии партии позволила властям развернуть в 1920-е гг. широкомасштабное наступление на «идеологическом фронте». После незначительных уступок в начале нэпа была предпринята очередная атака на идейных противников большевиков. Вынуждены были уехать из страны лидеры многих партий, общественных организаций, видные ученые и представители творческой интеллигенции. В 1922 г. из России была выслана большая группа писателей и ученых: философов, историков, социологов, правоведов. По стране развернулась антирелигиозная пропаганда. Церковь большевики справедливо считали своим идеологическим противником. Уже первые удары, нанесенные властью в 1918 г., отделив церковь от государства и школу от церкви, ослабили позиции русского православия. Решающая атака была предпринята в 1922 г., названном впоследствии годом «церковного террора». В «Известиях ЦК РКП(б)» от 28 марта 1922 г. был

опубликован «список врагов народа», который возглавлял Патриарх всея Руси Тихон. Жертвами антирелигиозной борьбы становились люди, монастыри, иконы, церковные колокола. Комсомольцы, рабселькоровцы, члены «Союза безбожников» активно поддержали линию партии и с революционным нетерпением разрушали святыни.

Ареной борьбы двух мировоззрений — пролетарского и общегражданского — стали также литература и искусство. На протяжении 1920-х гг. в обществе шла полемика о предназначении искусства. Споры соответствовали времени формирования командно-административной системы и закончились вместе с оформлением этой системы. Непримиримость к инакомыслию приводила к крайне примитивным формам неприятия иной позиции, к вражде представителей разных творческих группировок. В первые послереволюционные годы налицо был плюрализм художественных сил, когда соперничали и взаимно дополняли друг друга сторонники модернизма и реализма, представители революционного авангарда и агитационного искусства. К середине 1920-х гг. оформились два полюса литературы и искусства: Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) и творческое объединение «Перевал»; Ассоциация художников России и «Общество московских художников» и т. д. Культурные запросы пролетариата росли медленно. Запросы интеллигенции и всех «бывших» игнорировались. Все это не могло не отразиться на требованиях, предъявляемых властью к искусству. В резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925 г.) была поставлена задача создания произведений, рассчитанных на массового читателя. Прозвучал призыв «выработать соответствующую форму, понятную миллионам». Этим решением было положено начало идеологизации художественной культуры, закрепление партийного контроля над ней. О положении в литературе и искусстве тех лет имеется немало свидетельств. С. Есенин в своей «Незаконченной статье» (декабрь 1923 г.) признавал: «… Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живем… Оно выдвинуло на арену литературы революционных фельдфебелей, которые имеют заслуги перед пролетариатом, но ничуть перед искусством» [11, с. 728—729]. «Я боюсь, — писал в своей статье «Я боюсь» в 1921 г. Е. Замятин, — что настоящей литературы у нас не будет…» [12, с. 6].

К концу 1920-х гг. сфера культуры окончательно превратилась в средство реализации генеральной линии — форсированного строительства социализма. С 1928 г. в общегосударственных пятилетних планах по-

явились разделы «культурного строительства». Высокие темпы развития народного хозяйства требовали такого же ускоренного развития образования и науки. Сталинский вариант «культурной революции» осуществлялся на основе известного принципа «обострения классовой борьбы». Вновь как во времена «военного коммунизма» терминология выступлений партийных лидеров стала напоминать военные сводки: заговорили о заготовительном фронте, чрезвычайных мерах, беспощадной борьбе с классовыми врагами, вредительстве. Фронтальная борьба по всем правилам военного искусства не обошла и сферу культуры. В начале 1930-х гг. вышло ряд партийных постановлений, в которых указывалось, в каком направлении должна развиваться система образования: июль 1930 г. — об обязательном начальном образовании, сентябрь 1931 г. — о научно-марксистском содержании учебных программ, август 1932 г. — об учебных

программах и режиме в начальной школе и т. д. В школе вводилось единообразие преподавания и обязательные учебники, утверждаемые Наркомпросом. Формально школа возвращалась к классической системе образования, основной формой учебы становился урок, основным требованием — дисциплина. Были определены единые типы общеобразовательных школ: начальная (4 класса), неполная средняя (7 классов) и средняя (10 классов). К концу 1930-х гг. в стране насчитывалось более 30 млн учащихся, т. е. втрое больше, чем до революции [13, с. 283].

Кузницей кадров для новой социалистической интеллигенции стала высшая школа. Отказались от социальных ограничений при приеме в вузы, повысились требования к выпускникам, восстановили традиционные формы и методы обучения и вступительные экзамены. Прием в вузы и выпуск специалистов стал проводиться на основе государственного планирования. В 1937/38 учебном году в 683 высших учебных заведениях СССР обучалось 574,2 тыс. студентов (в 1914/15 учебном году соответственно 91—112 тыс. чел.) [14, с. 213].

Идеологический контроль над содержанием обучения и воспитанием вузовской молодежи потребовал искоренения свободомыслия в научной сфере. Многие ученые в течение 1920-х гг. попытались отстаивать академические свободы и сопротивляться желанию власти целиком подчинить науку классовым интересам. Кульминацией наступления на ученых стало «дело ученых-историков», критика М. Н. Покровского и его школы, разгром группы философов во главе с А. М. Дебориным. Эталоном верности марксистско-ленинской идее стал «Краткий курс истории ВКП(б)». Гуманитарные науки превратились в идео-

логическое оружие в борьбе против инакомыслия. Средства на развитие науки и научные приоритеты полностью перешли под государственный контроль. Успешно развивались естественные и технические науки, имевшие практическое применение в народном хозяйстве. Появились новые научные центры и институты.

Стал очевидным поворот в литературе и искусстве. Стремление ввести творческие искания художественной интеллигенции в определенное русло привели к утверждению в 1934 г. творческого метода соцреализма и созданию вместо многочисленных объединений единых творческих союзов. С помощью отлаженных механизмов госзаказов, конкурсов, выставок, премий и т. п. писатели и люди искусства все больше попадали в зависимость от госслужащих сферы культуры и партфункционеров. Вместе с тем нельзя не признать, что, несмотря на ограничение творческой свободы, в эти годы создали свои талантливые произведения Максим Горький, М. Шолохов, М. Булгаков, в изобразительном искусстве — М. Нестеров, П. Корин, Ю. Пименов, в музыку пришли молодые талантливые исполнители Л. Оборин, Э. Гилельс, Д. Ойстрах.

«Культурная революция» проводилась целенаправленно, а противоборствующие тенденции подавлялись. Признавая бесспорные достижения советской власти в сфере культуры (ликвидация массовой неграмотности, возможность пользоваться услугами сферы культуры, успешное развитие отдельных научных направлений), исторический опыт свидетельствует также о фактах репрессий многих представителей художественной и научной интеллигенции, ограничении свободы творчества, нарушении преемственности в развитии российской культуры.

Переход от поголовной грамотности и навыков населения пользоваться книгами до освоения мирового духовного наследия, от заботы о сохранении национальных сокровищ до создания новых ценностей, от соблюдения человеческой порядочности, культуры поведения до утверждения общегражданской культуры и т. д. — только такой результат может дать основание утверждать о победе культурной революции в СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гессе, Г.* Степной волк / Г. Гессе. М., 1977.

2. *Бригадина, О. В.* История культуры России новейшего времени / О. В. Бригадина. Минск, 2001.

3. *Сорокин, П.* «Верую, господи! Помоги моему неверию!» Неизданная статья Питирима Сорокина. Прим. Н. М. Смирновой / П. Сорокин // Отечественные архивы. 1992. № 2.

4. *Бригадина, О. В.* История культуры России новейшего времени / О. В. Бригадина. Минск, 2001.

5. Народное образование в СССР: сб. документов. 1917—1973 гг. М., 1977.

6. Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1975.

7. Народное образование, наука и культура в СССР: стат. сборник. М., 1977.

8. *Бригадина, О. В.* История культуры России новейшего времени / О. В. Бригадина. Минск, 2001.

9. Сборник документов по истории СССР. Вып. 2. 1921—1932. М., 1977.

10. *Юдин, М. В.* Деятельность Московского Пролеткульта в 1918—1925 гг. / М. В. Юдин: автореф. дис. ... на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2001.

11. Хрестоматия по отечественной истории (1914—1945). М., 1996.

12. *Замятин, Е.* «Я боюсь» / Е. Замятин // Книжное обозрение. 1988. 8 апр.
13. *Березовая, Л. Г.* История русской культуры / Л. Г. Березовая, Н. П. Берлякова. Ч. 2. М., 2002.
14. Народное образование в СССР: стат. сборник. М., 1977.